

Мама юной королевы вдруг подняла руку, украшенную нефритовым браслетом, и ударила девушку по лицу.

Вэньжэнь Цин плотно сжала губы, голова от удара повернулась набок, словно у раненого лебедя.

— Вэньжэнь Цин!

Цзи Сюнь широко раскрыла глаза, замерла на мгновение, а затем резко бросилась вперёд.

Она не могла поверить в то, что увидела.

Маленькая Сюнь раскинула руки, инстинктивно прикрывая Вэньжэнь Цин за собой, и с возмущением воскликнула:

— Тётя, как вы можете бить людей?

Изначально, видя некоторое сходство между этой женщиной и Вэньжэнь Цин, она подумала, что они мать и дочь.

Но разве бывает такая мать?

Дочь такая талантливая и замечательная, вместо похвалы она сразу же поднимает руку. Да ещё и на огромном лайнере, полном людей.

Разве достоинство ребёнка не заслуживает уважения?

Цзи Сюнь действительно разозлилась. Её пухленькое личико надулось, миндалевидные глаза увлажнились, хотя она и хмурила брови.

Она была похожа на маленького белого котёнка, у которого ещё не отросли когти, но шерсть уже встала дыбом, защищая Вэньжэнь Цин.

Эта знатная дама явно не ожидала, что кто-то внезапно подойдёт. Увидев Цзи Сюнь, она слегка смутилась, но быстро приняла привычное выражение лица.

В конце концов, здесь были гости лайнера, и она знала, что семейные ссоры не должны выноситься на публику. Взяв в левую руку бокал, она слегка покачала им, отпила глоток красного вина и равнодушно произнесла:

— Тётя выпила, не обращай внимания.

Затем, щеголяя на высоких каблуках, она медленно направилась в зал. Её силуэт излучал изящество.

Если бы это было раньше, Цзи Сюнь, с её любовью к красоте, несомненно, восхитилась бы этим зрелищем. Но сейчас её впечатление об этой женщине сильно ухудшилось.

Она быстро повернулась, глаза полные заботы, устремив на человека позади:

— Вэньжэнь Цин, ты в порядке?

На самом деле она была немного ниже Вэньжэнь Цин. Ведь разница в возрасте в два-три года для детей выливается в несколько сантиметров роста.

Вэньжэнь Цин не ответила, лишь пристально смотрела на неё.

Цзи Сюнь в нетерпении топнула ногой:

— У тебя кровь!

Её маленькая ручка потянулась, чтобы вытереть след крови в уголке рта Вэньжэнь Цин.

Эта тётя ударила так сильно, что даже пошла кровь!

Чёрт возьми. Маленькая Сюнь была на грани взрыва.

Она с детства жила в комфорте, родители и брат оберегали её, как зеницу ока. Где ей было видеть такую мать?

Она была полна негодования, словно готова была броситься вперёд с маленькими, неугрожающими кулачками.

Вэньжэнь Цин уклонилась от её руки.

Она редко говорила, но на этот раз ответила, голос слегка хриплый, но всё же приятный:

— Не лезь не в своё дело.

Цзи Сюнь на мгновение замерла, её маленькие красные губки дрогнули:

— Как это можно назвать «не в своё дело»? Мы же друзья!

Её уверенность на мгновение даже заставила Вэньжэнь Цин замолчать.

Завершив свою тираду в ответ на холодные слова новой подруги, Цзи Сюнь подошла ближе, настойчиво пытаясь рассмотреть след на лице девушки.

— Почему тут кровь? Тут ранка. — Её голос был сладким и тёплым.

Как вата, которую Вэньжэнь Цин никогда не пробовала, как вкус, который она лишь представляла.

Сладость, которая казалась нереальной.

Цзи Сюнь встала на цыпочки, широко раскрыв свои влажные глаза, и внимательно посмотрела:

— Похоже, что-то поцарапало.

Чем больше она смотрела, тем больше злилась.

У второстепенной героини такое красивое лицо!

Разве мать, родившая такую дочь, не должна её беречь и любить? Как можно так бить?

Неудивительно, что повзрослев, второстепенная героиня стала такой странной и одержимой. Семейное воспитание действительно очень важно.

Вэньжэнь Цин знала, что это кольцо на пальце матери оставило этот след. Как будто оно порезало ей сердце.

Когда тот удар пришёлся, она уже привыкла и могла избежать его. Но... не сделала этого.

Всё было так же, как и раньше.

Её выводили на светские мероприятия, чтобы она демонстрировала свои умения, а затем получала аплодисменты и похвалы от всех в зале.

Мать любила такую дочь.

Нет, она любила такой инструмент.

Инструмент, который приносил ей похвалу, не имеющий права на ошибку.

— Ты позор семьи Вэньжэнь!

Её губы сжались, вспоминая фразу, которая годами терзала её сердце.

И все её усилия и послушание за эти годы не смогли противостоять силе этих слов.

Вэньжэнь Цин выпрямила спину, чувствуя, как в глазах появляется давно забытое тепло. Но, увидев перед собой обеспокоенную Цзи Сюнь, она сдержала слёзы.

С самого детства она знала, что плач не решает проблем.

Плач только привлекает насмешки и унижения.

Человек, у которого нет опоры, не должен плакать.

Она сжала кулаки и повернулась, избегая руки Цзи Сюнь, которая тянулась к ране.

Но Цзи Сюнь последовала за ней. Её сияющие глаза, словно наполненные облаками и небом, были настолько чистыми, что в них можно было увидеть отражение человека.

— Вэньжэнь Цин, не грусти. Ты не сделала ничего плохого, это твоя мама неправа.

Девочка, которая была ниже её ростом, мягко потянула её за руку, и тепло ладони проникло прямо в сердце.

Вэньжэнь Цин повернула голову, глядя на неё без эмоций.

Цзи Сюнь же широко раскрыла глаза:

— Я говорю правду! Твоя мама неправа. Ты такая умная, талантливая и замечательная. Если бы у меня была такая дочь, я бы её берегла как сокровище!

Она выпалила всё это одним махом и хлопнула Вэньжэнь Цин по плечу:

— Она не ценит своё счастье!

Этот хлопок был довольно сильным.

Вэньжэнь Цин пристально смотрела на неё, затем опустила голову, и её плечи задрожали.

Лёгкий смешок донёсся до ушей Цзи Сюнь, и она удивилась, поняв, что Вэньжэнь Цин смеётся.

Она замерла на мгновение, а затем рассмеялась в ответ:

— Ты очень красиво улыбаешься. — Лучше, чем с серьёзным лицом.

Лёгкая улыбка Вэньжэнь Цин внезапно исчезла. Она вернулась к своему обычному выражению лица и молча посмотрела на Цзи Сюнь.

Но Цзи Сюнь, сложив руки за спину, смотрела на неё своими большими глазами:

— Цинцин, ты замечательная.

Снова проявив заботу к будущей злодейке, Цзи Сюнь замолчала, глядя на след крови в уголке рта девушки, который казался особенно ярким.

Она протянула маленькую руку и взяла Вэньжэнь Цин за руку:

— Я отведу тебя обработать рану.

На лайнере наверняка есть медицинский персонал.

Но Вэньжэнь Цин отступила на шаг:

— Не надо.

Её голос был спокойным.

Увидев удивление на лице девочки, которая, казалось, не могла понять, почему она отказывается, Вэньжэнь Цин добавила:

— Это хлопотно.

— Просто представь, что ты ничего не видела. Хорошо? — Она пристально смотрела в глаза Цзи Сюнь, серьёзно наставляя её.

Семья Цзи, если говорить строго, поднялась лишь в последние пару поколений и не имела прочных корней.

Мать могла счесть защиту Цзи Сюнь детской игрой, но не обязательно позволила бы, чтобы это стало темой для обсуждения.

Семья Цзи не могла соперничать с домом Вэньжэнь.

Возможно, из-за того, как эта маленькая девочка бросилась вперёд, защищая её, впечатление было слишком сильным. Сегодня она не смогла остаться холодной и почувствовала давно забытую совесть.

— Я хочу побыть одна. Иди внутрь.

Сказав это, она, казалось, исчерпала весь свой запас терпения. Вэньжэнь Цин больше не смотрела на Цзи Сюнь, а повернулась к морю.

Поняв, что второстепенная героиня не хочет, чтобы её беспокоили, Цзи Сюнь послушно кивнула и пошла к двери каюты.

Но, сделав пару шагов, она не смогла удержаться и обернулась.

Она осторожно подошла, достала из кармана конфеты, которые утром положила туда матушка Ван, и мягко положила их в руку Вэньжэнь Цин.

— Дети не должны думать о слишком многом, иначе состарятся.

Она серьёзно бросила эту фразу, а затем быстро убежала. Даже не подумав, что сейчас она сама была младше.

Вэньжэнь Цин опустила глаза, глядя на конфеты в ладони, и инстинктивно сжала руку.

Забота, которую проявила эта девочка, казалась сном.

Кукла тоже может заботиться о ком-то?

Она долго смотрела на конфеты, но улыбка так и не достигла её глаз.

Она разжала ладонь, протянула руку за перила и смотрела, как конфеты, которые только что были крепко зажаты в её руке, одна за другой падали в море.

Это была рука, которую с детства тренировали играть на пианино. Длинные пальцы, учитель фортепиано когда-то хвалил их за ловкость.

Когда последняя конфета соскользнула с кончиков пальцев, она, словно поддавшись какому-то внушению, инстинктивно протянула руку и поймала её.

Конфета была слишком мала по сравнению с морем. Настолько мала, что, упав в воду, она исчезла бы навсегда.

К тому же, она растает.

Вэньжэнь Цин сжала ладонь, чувствуя присутствие последней конфеты, и усмехнулась.

Она была смешной.

Выбросив что-то, она сожалела.

Но, даже смеясь над собой в душе, она так и не выбросила последнюю конфету.

<http://bllate.org/book/16860/1552458>